

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.5382>

Дата подачи статьи: 15 декабря 2019 г.

Дата принятия к печати: 08 марта 2020 г.

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ПУБЛИЦИСТИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: «РУССКИЕ УГОЛКИ» ФРАНЦИИ В ОЧЕРКАХ КОНСТАНТИНА ПАРЧЕВСКОГО

Joanna Mianowska

Uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy, Polska

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5084-053X>E-mail: miano@wp.pl

Аннотация: Очерки малоизвестного эмигрантского публициста первой волны русского исхода XX века К.К. Парчевского *По русским углам* печатались в парижской газете «Последние новости» с 9 августа 1936 года по 4 июля 1937 и вышли отдельной книгой в 2002 году. У каждого из них свое лицо (их свыше 30). Они вписываются в раздел поэтики, имеющий своим предметом анализа образы географического пространства в индивидуальном творчестве. Эта поэтика сложилась уже в качестве академической науки как раздел культурологии и часть литературоведения. Очерки Парчевского составлены по географическому принципу, но представляют также интерес и в отношении статистики. Их фактология и информационность позволяют сделать вывод о наличии нового угла зрения и нового ракурса о судьбах русской диаспоры в разных уголках Франции. В анализируемых очерках осмыслена природная данность и историко-творческая заданность этого периода.

Ключевые слова: К.К. Парчевский, Русские уголки, географическое пространство, геопэтика, исторический аспект, собеседники очеркиста, фактический материал, сложности эмигрантского быта, географический принцип

Submitted on December 15, 2019

Accepted on March 8, 2020

THE LITTLE-KNOWN PAGES OF RUSSIAN JOURNALISM ABROAD: “RUSSIAN CORNERS” IN FRANCE IN THE ESSAYS OF KONSTANTIN PARCHEVSKIY

Joanna Mianowska

Kazimierz Wielki University in Bydgoszcz, Poland

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5084-053X>

E-mail: miano@wp.pl

Abstract: The sketches of K. Parchevskiy, a little-known emigrant publicist of the first wave of Russian emigration in the twentieth century, entitled *Across the Russian Corners* [*По русским углам*], were published in the Paris newspaper *Latest News* from August 9, 1936 to July 4, 1937, and came out as a book in 2002. Each of them is unique (they are over 30). They fit into the profile of poetics, which has as its object of analysis the images of geographical space in individual creative works. Poetics has become an academic science as a branch of cultural and literary studies. Parchevskiy’s essays are composed on a geographical principle but are also of interest with regard to statistics. The factual and informative value these essays convey allows perceiving the fate of the Russian diaspora in different parts of France from a new and fresh point of view. The analysed essays reflect the natural reality as well as the historical and creative structure of that period.

Keywords: K. Parchevskiy, Russian corners, geographical space, geopoetics, historical aspect, the essayist’s interlocutors, factual material, the complexity of emigrant life, geographical principle

Малоизвестный в Польше эмигрант первой волны русской эмиграции Константин Константинович Парчевский, юрист по образованию, доктор права упоминается в биографических словарях Г. Струве и *Российское зарубежье во Франции* под ред. Л. Мнухина, а также в *Литературной энциклопедии русского зарубежья (1918–1940)* под ред. А. Николюкина [Струве 1996, 289, 396, 414; *Российское зарубежье...* 2010, 404; *Литературная энциклопедия...* 2000, 231, 309, 310, 363, 364, 404, 460; *Литературная энциклопедия...* 2002, 594]. С 1923 года в эмиграции в Париже, работал какое-то время на заводе

Renault, но вернулся к журналистике. Стоит отметить в его биографии то, что в 1926 и 1927 годах он был сначала членом правления, а затем, в 1931 году, стал секретарем Союза русских писателей и журналистов в Париже, а также публиковал свои очерки в «Последних новостях», где работал специальным корреспондентом [*Российское зарубежье...* 2010, 404]. Его очерки, печатавшиеся в этой парижской газете с 9 августа 1936 года по 4 июня 1937 года, вышли отдельной книгой *По русским углам* [Парчевский 2002]. Парчевский – это также автор книги *В Парагвай и Аргентину. Очерки Южной Америки* (Париж 1936). В 1941 году он вернулся в СССР.

Обратимся, однако, к *Русским углам* Парчевского. Интересен факт, что эту книгу родственники Парчевского переписали собственноручно в читальных залах Государственной (бывшей Ленинской) библиотеки из газеты «Последние новости», сохраняя также расположение и название очерков [Беляев 2002, 5]. Надо сказать, что газета «Последние новости», в которой много и охотно публиковал свои очерки Парчевский, выходила в Париже с 27 апреля 1920 года до половины 1940 года, а первым ее редактором был присяжный поверенный М.Л. Гольдштейн. С 1 марта 1921 года почти 20 лет «Последние новости» редактировал известный деятель и лидер кадетов П.Н. Милюков [Петрова 2000, 319–329; *Публицистика...* 1999, 11–12]. Газета была сугубо информационным вестником, «хотя в ней ярко отражались» также события театральной, музыкальной и литературной жизни [Купцова 1999, 170–176].

Парчевскому–публицисту в познании условий эмигрантской жизни в пригородах Парижа помогла его широкая общественная деятельность в Комитете помощи ученым и писателям, он организовал в эмиграции концерты Ф. Шаляпина, балетные представления С. Лифаря, а также выставки картин русских художников.

Будучи секретарем Тургеневской библиотеки, Парчевский организовывал писательские встречи, вечера для детей эмигрантов, а также выставку в доме на Монпарнасе к 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина.

Русских уголков в книге очерков Парчевского свыше тридцати, и у каждого из них своя судьба и свое лицо. Стоит разобраться в том, насколько очерки Парчевского вписываются в раздел поэтики, имеющий своим предметом анализ образов географического пространства в индивидуальном творчестве. Исследования француза Кеннела Уайта и россиян Игоря Сиды и Владимира Абашева доказали, что геопозитика сложилась в качестве академической науки как раздел культурологии и часть литературоведения. Отметим, что в 1995 году в России поэт и эссеист Игорь Сид создал Крымский геопозитический клуб, годом позже была организована первая научная конференция по геопозитике

[*Введение в геопоэтику...* 2013; Абашев 2006; Сид 1996]. На неоднозначное понимание термина «геопоэтика» указывает А. Кораблев, поставив вопрос о «движении и продвижении понятия „геопоэтика”» [Кораблев 2015, 297–304]. Исследователь из Донецка отмечает, что движение понятия геопоэтика – это процесс вполне естественный, а его культурная экспансия позволяет «осваивать и завоевывать мир» не только автору, но и авторским проекциям – идеям, образам, концептам [Кораблев 2015, 299].

В свете сказанного обратимся к очеркам К. Парчевского, посвященным взаимодействию русских эмигрантов и заселяемого ими пространства. Парчевский создавал свои очерки в 30-е годы минувшего века, когда еще Париж был окружен местечками, составляющими провинцию – Нильванж, Клиши, Шампони, Нежан и другие. Сейчас это уже районы Парижа, которые начали достраиваться после Второй мировой войны, но русские эмигранты селились там в 20-е – 30-е годы. Отметим, что очерки Парчевского составляют отдельные законченные тексты, и они связаны лишь по географическому принципу. В *Предисловии* книги справедливо подчеркнуто, что описываемая Парчевским жизнь русских эмигрантов показана в эволюции, а изменения в ней прослеживаются со времени исхода из России и до конца 1930-х годов.

Первые партии эмигрантов появились во Франции в 1922 году в Марселе, и там же некоторые из них уже поселились. В очерке *Марсель* Парчевский не указывает на точное число русских поселенцев: «(...) старожилы полагают, что в городе застряло не больше полутора тысяч русских» [Парчевский 2002а, 138]. В Марселе, ставшем в первые годы эмиграции главным пунктом исхода россиян, приезжих ожидали агенты, вербующие на работу в крупных фабриках и заводах. Оставшихся же поселяли в бараках, предназначенных для русских и армян. Со временем бараки превратились в городок с огородами, столовыми, а также церковью и «государственной» властью. Однако «русский муравейник», лагерь Виктор Гюго, по словам Парчевского, был уничтожен, а беженцы вскоре получили возможность поселиться на берегу моря, уже в окрестностях Марселя [Парчевский 2002а, 140]. Здесь россияне начали возводить свои строения и со временем вырос городок «Сент-Анн». Внучка Парчевского Т. Орехова подчеркивает, что ее дед в совершенстве владел французским языком и поэтому много разговаривал с французами, которые жили вблизи русских эмигрантов [Орехова 1998, 145]. Это помогало автору очерков собирать фактический материал в местных общественных организациях, местной префектуре, получая данные о появлении и распределении русских беженцев. Сказанное указывает также на исторический аспект в очерках Парчевского. Т. Орехова справедливо подчеркивает, что в очерках ее деда

(...) фактический материал, изложенный с точки зрения юриста-социолога, перекликается с живыми рассказами очевидцев, записанными образным художественным языком равнодушного собеседника, который сам прошел нелегкий путь беженца-эмигранта от Константинополя до Парижа [Орехова 1998, 146].

Молодой собеседник Парчевского, рассказывая о повседневности русских беженцев, заявляет: «(...) в общем, везде русская жизнь более или менее одинакова (...) и у нас в Марселе: есть уже церкви разных направлений, аптечка, библиотека, несколько ресторанов, все полагающиеся организации», но он же сразу констатирует: «(...) эмиграция устала и единственно к чему стремится – это тихо дожить свой век» [Парчевский 2002а, 142].

Кроме крупных городов – таких, как Марсель, Лион, Бордо русские эмигранты оседали в небольших местечках в Лотарингии, в Нормандии, вблизи Ла Рошеля, а также в Гренобле и его окрестностях, вблизи Тулона, Ниццы и даже на Лазурном берегу. Российские беженцы селились и в горной местности Савойн. Автор очерков пытался в описываемых городах найти их стиль и душу. В этой связи особенно большие затруднения появились по отношению к Лиону и лионцам. Парчевский констатирует: «Печален русский Лион, печальнее всех других русских углов, несмотря на свои еженедельные вечеринки в ресторане «Лира», где собираются одни и те же люди, и бесконечные «чашки чаю» всевозможных организаций» [Парчевский 2002б, 128]. Внимания заслуживает низкий уровень жизни эмигрантов в Лионе, безработица (безработных свыше 400). В очерке ставится вопрос помощи русским безработным в Лионе, зависящей от эмигрантских организаций и даже от частей (районов) города. Многие неимущие собираются за подачками у русского трактира «Лира», у русских церквей в часы богослужений или ранним утром собирают на рынке отбросы непроданных продуктов. Оборванный и обросший клочьями человек умоляет: «Подайте, Христа ради, голодному русскому офицеру (...) только что приехал из Марселя. Два дня ничего не ел, ночевать негде (...)» [Парчевский 2002б, 129]. Оказывается, что просящий русский офицер лгун, он где-то работал, потом произошло сокращение кадров, и он не смог справиться со сложностями повседневной жизни, превратившись в нищего, для которого лишь алкоголь становится утешением. Однако был и такой район вблизи Лиона, предместье Вилленбан, где власти мэрии пытались помочь приезжим, выделяя им такое же пособие, как и французам. Собеседники Парчевского рассказывают ему разные истории о военных русских эмигрантах – генерале-старике, не сумевшем мыть полы и умершем без работы, о русском офицере, который ходил с револьвером

и кричал: «Мне выхода нет. Тому, кто помешает пройти на работу, пушу пулю, а последнюю самому себе» [Парчевский 2002б, 132].

Публицист отметил, что русские не поддаются ассимиляции и «(...) у всех сохраняется нечто общероссийское 'свое' с чисто местными наслоениями», и потому можно говорить о типах – русских американцах, балканцах, онемеченных и офранцузенных россиянах [Парчевский 2002в, 132–133]. Внимательный наблюдатель, собеседник автора очерков, отмечает две стадии эмиграции – сначала это были беженцы, которые через несколько лет превратились в эмигрантов. В последние же годы довольно значительная часть превращается из эмигрантов в иммигрантов. Суммируя высказывания своих собеседников, Парчевский заявляет: «(...) нельзя не чувствовать разочарования во всем, во что недавно верили люди (...) создавшееся в первые годы эмиграции установленного образца мировоззрение переживает острый надлом. Еще ничего не пришло на смену. Все в брожении, в томительном искании, в тоске по утраченной правде и смыслу жизни» [Парчевский 2002в, 137].

Одним из главных пунктов, через который россияне попадали из Константинополя во Францию, был Марсель, где многие уже оседали, но число оставшихся автор очерков сам назвать не в состоянии. Как и в других районах, русские работают на крупных фабриках и заводах, в гаражах, мелких мастерских, в порту в качестве грузчиков или в малярных предприятиях. Важно подчеркнуть, что Парчевский во время пребывания во Франции, наблюдая за жизнью эмигрантов, расширяет свое культурное пространство. Автор очерков переходит в другое пространство, создавая свои творческие идеи, беседуя с наблюдателями и разными собеседниками.

В очерке *Лазурный берег* Парчевский представляет все разнообразие состава русской эмиграции. Это бывшие участники экспедиционного корпуса 1916 года, посланные на западный фронт, далее также бывшие русские солдаты, которых он называет «усмотрителями непокорной Куртины» и которые выводились из экспедиционного корпуса в лагере около местечка Куртин в департаменте Крээз и были отголоском Февральской революции в России, а стали мирными французскими предпринимателями (они наполовину говорили по-русски), затем гвардейцы, белые офицеры и казаки, бывшие русские чиновники, помещики, фабриканты, юристы, наконец, представители русской знати [Парчевский 2002г, 143]. Погода влияет на то, чем занимаются жители Лазурного берега: «В этих благословенных краях, где всегда светит солнце, а в феврале цветут мимозы и персики, многим русским удалось завести свое хозяйство» [Парчевский 2002г, 146]. Парчевский пишет о русских куроводах, фермах в районе Тулона и до Ниццы. Публицист называет образцовых

русских куроводов – это «Летгорн бланш» В. Николаева под Тулоном. Владелец прославленной фирмы рассказывает: «Мы продаем не только яйца и мясную птицу, но также производителей цыплят и яйца лучших пород для инкубатора» [Парчевский 2002г, 147]. Важно подчеркнуть, что предприятие Николаева «вовсе не типично для местных русских куроводов».

Во французских городах русских эмигрантов мало, автор очерков отмечает, что большая часть местной колонии живет обычно в окрестностях. В каждом из своих очерков Парчевский заявляет, что единственным объединяющим для всех русских центром является церковь, а члены русской колонии жертвуют иконы, облачение, заказывают панихиды, покупают утварь и украшения. Публицист отмечает «пристрастие» русских к французской Ривьере, как и ко всей Франции. Еще в конце XIX века они вкладывали сюда свои деньги, строили виллы, рестораны и пансионаты. В качестве примера Парчевский вводит очерк *Канны* с целым русским кварталом «Калифорния», где были виллы с русскими названиями. Автор очерка называет имена землевладельцев, а также членов попечительского совета храма в Каннах. В подземной крипте церкви находятся гробницы высокопоставленных эмигрантов – великого князя Николая Николаевича, герцога Ольденбургского, генерала Юденича. Из беседы Парчевского с настоятелем церкви о Николаеве можно узнать, что если в первые годы эмиграции в Каннах проживали состоятельные русские, то в течение десяти лет все обеднело. Постоянным оставался только природный ландшафт – теплое море, клумбы, цветы, лимонные деревья, эвкалипты и пальмы. Однако в казино, элегантных кафе русских не видно, как и нет русских вилл, а также отдыхающих от государственной службы князей, представителей дворянства. Все переместилось в Канн-ла-Бокка, в маленький городок на берегу моря, в двух километрах от Канн, где расположился вагоноремонтный завод и муниципальное предприятие по уничтожению мусора. «Настоящим русским углом» называет Парчевский предприятие в Бокка по эксплуатации городских отбросов [Парчевский 2002д, 156]. Здесь русских эмигрантов около 90%, французов – 10%. Директора этого предприятия русского офицера Е.М. Краморова собеседники Парчевского называют хорошим человеком «(...) зла от него не увидишь, напротив, всегда найдешь поддержку и помощь» [Парчевский 2002д, 157]. Автор очерка детально описывает условия жизни в русском уголке Бокка, а также деятельность эмигрантских общественных организаций, как и предприятий, связанных с культурой. Подытоживая написанное о Канн-ла-Бокка, Парчевский заявляет: «В таких углах, где русские сбились в кучу и живут

уездно-эмигрантским укладом, не только не заметно признаков денационализации, но и на местную жизнь оказывается серьезное русское влияние» [Парчевский 2002д, 159].

В продолжение географического принципа, по которому построены очерки Парчевского, обратимся к названному городу *Ницца* [Парчевский 2002е, 171–176]. Здесь находилась одна из крупных и своеобразных русских колоний. Парчевский выделяет две Ниццы – одна из них древняя полуитальянская, со старыми трущобами и грязными, узенькими улицами, другая – город-курорт, который своим великолепием растянулся вдоль побережья. Общее – это море и солнце. Парчевский видит

прославленные рестораны, грандиозные здания банков, магазинов с витринами сверкающих бриллиантов, изысканных нарядов, духов (...) дальше казино с пятичасовым чаем и пышными залами для карточной игры, театры, кинематограф и бары [Парчевский 2002е, 172].

Все это предназначено не для русских эмигрантов, а для пресыщения «господина из Сан-Франциско». Парчевский, несомненно, знал и читал произведение И. Бунина *Господин из Сан-Франциско* (1915) о богатом господине, планирующем

наслаждаться солнцем Южной Италии, побывать в Ницце, Монте-Карло, во Флоренции, в Риме, в Венеции и Париже, в Севилье, на английских островах, в Афинах и Константинополе, а также в Палестине и Египте и даже в Японии [Бунин 1996, 344–368].

Публицист убежден в том, что «несмотря на кризисы и потрясения, на свете еще много господ из Сан-Франциско, имеющих возможность проводить зиму на Ривьере» [Парчевский 2002е, 173]. На фоне великолепия этой «блистательной, единственной в мире набережной» автор очерка *Ницца* представляет историю русской колонии с 1856 года, роскошь русской жизни, причуды богачей в Ницце в прошлом, а в качестве примера: «В один прекрасный день полоска набережной была усыпана солью, а по ней, пуская ‘соль в глаза’ проходим, промчался на лихой тройке с ямщиком в тулупе важный русский барин» [Парчевский 2002е, 174]. Настоящее – это русский угол, названный Парчевским «гамбетовским уездом» (от улицы Гамбетты – района торговли и демократических развлечений). Здесь везде слышна русская речь:

Русских узнаешь в этом квартале не только по разговору, но и без слов: по потрепанному костюму, стоптанным башмакам, полинявшей шляпе, а главное – по нескрываемой печали во всем: в глазах, жестах, походке [Парчевский 2002е, 176].

В качестве осколков прошлого остались в Ницце две церкви – старая в центре и новая на бульваре Цесаревича, построенная в стиле русского зодчества на Красной площади, облицованная невыцветающим кирпичом. Старое и новое соединяет то, что, как и прежде, по праздникам у церкви собирается вся русская Ницца, а церковный сад – это «место встреч, обмена мнений, осведомления и соприкосновения всех эмигрантских слоев и толков» [Парчевский 2002е, 175].

Парчевский стремится установить примерное число русских в Ницце, но получается неразбериха, когда без каких-либо свидетельств собеседники автора очерков заявляют: «Русских в Ницце? Тридцать тысяч. Во Франции – шестьсот, а во всем мире – два миллиона» [Парчевский 2002ж, 176]. Сам Парчевский считает, что эти цифры – лишь догадка и они «(...) описаны какими-нибудь секретарями с потолка и пущены в оборот. За секретарями потянулись ораторы, а за ораторами журналисты» [Парчевский 2002ж, 177]. Наблюдатель в очерке Парчевского считает, что россияне ведут себя громко в метро и на улице, среди них много пьяных эмигрантов и поэтому «(...) нетрудно впасть в ошибку, будто их видимо-невидимо» [Парчевский 2002ж, 177]. Наиболее точные сведения о численности русских эмигрантов, по Парчевскому, находятся в префектуре, однако есть количество людей без документов и их на всем побережье сотни две–три. Этот слой составляют безработные, пьяницы и бродяги.

Стоит отметить, что очерки Парчевского представляют интерес в отношении статистики. Очеркист корректирует цифры покинувших Россию. Наиболее точными и показательными, по его мнению, являются сведения учреждений, выдающих карты для иностранцев, на которые он ссылается. Отметим, что среди авторитетных публикаций и исследователей нет единого мнения о числе ушедших из России после октябрьского переворота [Агеносов 1998, 4; *Эмиграция...* 2001, 43; R. Väcker i Z. Karpus 2002, 6]. Географические и статистические реалии дают возможность исследовать политические отношения. Ведь не случайно В. Абашев считает геопэотику основой геополитики [Абашев 2006]. Подчеркнем в этой связи внешнюю реальность очерков Парчевского, в которых сочетаются пейзажи описываемых им мест с портретами русских эмигрантов. Фактология и информационность, проявленная в наблюдениях очеркиста, а также в записях и беседах с конкретными людьми, позволяет

сделать вывод о наличии нового угла зрения, нового ракурса повествования о судьбах русской диаспоры в разных уголках Франции.

Парчевский среди русских углов французского побережья считает Ментону самым тихим и спокойным местом на Ривьере, называя ее «уединенным русским углом» [Парчевский 2002з, 207]. Благоприятный климат, но без «нищизской суеты и каннской роскоши» способствовал жизни «вне времени и пространства». Это место связано с воспоминаниями о прошлом России. Очеркист ссылается на беседы с 92-летним деятелем эпохи реформ Александра II, а также с пожилыми светскими дамами, с вдовой предводителя дворянства, с пожилым штатским, генералом, бароном. Среди «последних могилок» Парчевский удостоил вниманием знаменитого скульптора С. Бернштама, который подарил городскому управлению Ментоны свою коллекцию скульптуры и, по словам очеркиста:

в ментонском городском музее теперь стоят бронзовые фигуры русских царей, проекты памятников, собственноручно снятая им (скульптором С. Бернштамом – И.М.) с мертвого Достоевского гипсовая маска, исполненные автором с натуры бюсты Гончарова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина. Всех их хозяин знал лично [Парчевский 2002з, 210].

Россия прошлого больше видна на русском некрополе. Здесь князья, графы, генералы и сановники и, как отмечает очеркист: «Чуть не вся аристократия России собрана на маленьком клочке земли» [Парчевский 2002з, 210]. Но есть здесь и общая могила, где «(...) под небольшим холмом нашли окончательное успокоение и правые и левые, останки нынешних и бывших эмигрантов» [Парчевский 2002з, 211].

Стоит подчеркнуть, что Парчевский, создавший свои очерки по географическому признаку, находит русские углы во французской провинции, где создаются небольшие провинциальные колонии, в которых обустроить жизнь гораздо проще. Это Сен-Клеман, предместье Санса, местечки Аянж, Альгранж, Нильванж, Кнютанж и другие, в которых очеркист показывает судьбы фермеров, аристократов, священников, офицеров, шоферов, но и осевших здесь казаков и староверов. Важно подчеркнуть, что на этих периферийных территориях хотя и появился русский голос, но, по словам очеркиста: «совсем перевелись все дяди Вани, Астровы и непонятные Чайки. Жизнь стала сложнее, а люди проще» [Парчевский 2002и, 57].

Из провинциальных бесед с соотечественниками вытекает, что «широкие эмигрантские круги проявляют полное равнодушие к политике, политическим организациям (...) и даже к центральным общеэмигрантским учреждениям»

[Парчевский 2002к, 67]. Подчеркнута привязанность русских эмигрантов к бытовым подробностям и мелочам русской жизни: «Всякие наши борщи, ватрушки и чай с вареньем оказались крепче книги, газеты и чего угодно, тут все едины, и русское дело стоит твердо...» – заявляет один из собеседников очеркиста [Парчевский 2002к, 68].

Исходя из сказанного, стоит подчеркнуть, что Парчевский на основе изученных материалов, личных наблюдений и ощущений, бесед с эмигрантами разных слоев населения из различных русских уголков Франции, непредвзято и неполитизированно рассматривает географические реалии существования русских беженцев, что позволяет осмыслить природную данность и историко-творческую заданность этого времени. В очерке *Вокруг Парижа* одинокий старик, один из собеседников Парчевского, констатирует:

Эмиграция – временный эпизод, Россия – постоянна... Среди эмиграции есть хлам, но очень много прекрасного человеческого материала. Обидно, разумеется, что в большинстве случаев он пропадает без пользы для себя и для России. Но что поделаешь? Страна наша велика и обильна, а природа исключительно расточительна [...] Одни из нас вымрут, другие растворятся в иностранной массе, кое-кто, может быть, вернется (Парчевский 2002л: 216–217).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агеносов Владимир. 1998. *Литература русского зарубежья*. Москва: Терра.
- Абашев Владимир Васильевич. 2006. «Какая древняя земля, какая дремучая история, какая неиссякаемая сила...»: *Геопоэтика как основа геополитики*. В: Михаил Осоргин: *Художник и журналист*. Пермь: Издательство «Мобиле».
- Беляев Сергей Алексеевич. 2002. *К.К. Парчевский и его книга «По русским углам»*. В: Константин Парчевский. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН: 5.
- Бунин Иван Алексеевич. 1996. *Господин из Сан-Франциско*. В: Иван Алексеевич Бунин. *Избранное: В 2 т. Т. 1: Рассказы. Предисловие – статья К. Парчевского «Иван Бунин»*. Москва: Прибой: 344–368.
- Введение в геопоэтику: одиночные экспедиции в океане смыслов: Антология*. 2013. Сост. Сид И. Науч. ред. Дайс Е. Москва: Арт Хаус медиа, Крымский клуб.
- Кораблев Александр Александрович. 2015. *К вопросу о движении и продвижении понятия «геопоэтика»*. «Филологические исследования». Вып. 14. Донецк: ДонНУ: 297–304.
- Купцова Ирина. 1999. *Художественная жизнь «русского Парижа» на страницах газеты «Последние новости» (1920–1922 гг.)*. В: *Культурная миссия российского зарубежья. История и современность*. Отв. ред. Шулепова Э.А. Москва: Рос. институт культурологии: 170–176.
- Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940)*. 2000. Т. 2: *Периодика и литературные центры*. Гл. ред. и сост. Николюкин А. Москва: РОССПЭН.
- Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940)*. 2002. Т. 3: *Книги*. Гл. ред. и сост. Николюкин А. Москва: РОССПЭН.

- Орехова Татьяна. 1998. *Очерки К.К. Парчевского о русской диаспоре во Франции в период между первой и второй мировыми войнами*. В: И.С. Шмелев и литературный процесс накануне XXI века. 125 лет со дня рождения И.С. Шмелева. Ред. Цыганник В.П. Симферополь–Алушта: 145.
- Парчевский Константин. 2002. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН.
- Парчевский Константин. 2002а. *Марсель*. В: Константин Парчевский. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН: 138.
- Парчевский Константин. 2002б. *Лион*. В: Константин Парчевский. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН: 128.
- Парчевский Константин. 2002в. *Лионцы*. В: Константин Парчевский. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН: 132–133.
- Парчевский Константин. 2002г. *Лазурный берег*. В: Константин Парчевский. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН: 143.
- Парчевский Константин. 2002д. *Канн-ла-Бокка*. В: Константин Парчевский. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН: 156.
- Парчевский Константин. 2002е. *Ницца*. В: Константин Парчевский. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН: 171–176.
- Парчевский Константин. 2002ж. *Промышленность и торговля*. В: Константин Парчевский. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН: 176.
- Парчевский Константин. 2002з. *Живые и мертвые*. В: Константин Парчевский. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН: 207.
- Парчевский Константин. 2002и. *Нормандия*. В: Константин Парчевский. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН: 57.
- Парчевский Константин. 2002к. *Провинциальные беседы*. В: Константин Парчевский. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН: 67.
- Парчевский Константин. 2002л. *Вокруг Парижа*. В: Константин Парчевский. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН: 216–217.
- Петрова Татьяна. 2000. «Последние новости». В: *Литературная энциклопедия...* Т. 2. Москва: РОССПЭН: 319-329.
- Публицистика русского зарубежья (1920–1945)*. 1999. Сборник статей. Сост. Кузнецов И.В., Зеленина Е.В. Москва: Союзполиграфпром.
- Российское зарубежье во Франции 1919–2000*. 2010. *Биографический словарь: В 3 т.* Т. 2. Под общей ред. Мнухина Л., Авриль М., Лосской В. Москва: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой.
- Сид Игорь. 1996. «Основной вопрос геопоэтики». Доклад на первой международной конференции по геопоэтике. Москва: Крымский клуб. (online) <http://liter-net.lgb.ru/geopoetics/index.html> (доступ 29.01.2019).
- Струве Глеб. 1996. *Русская литература в изгнании*. Париж–Москва: «УМСА-Press»; «Русский путь».
- Эмиграция и репатриация в России*. 2001. Сост. Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Огороков А.В. Москва: Попечительство о нуждах российских репатриантов.
- Bäcker Roman, Karpus Zbigniew. 2002. *Wstęp*. W: *Emigracja rosyjska. Losy i idee*. Red. Bäcker R., Karpus Z. Łódź: 6.

REFERENCES

- Abashev Vladimir Vasil'yevich. 2006. "Kakaya drevnyaya zemlya, kakaya dremuchaya istoriya, kakaya neissyakayemaya sila...": *Geopoetika kak osnova geopolityki* ["What an ancient land, what a dense history, what an inexhaustible power...": Geopoetics as the basis of geopolitics]. In: *Mikhail Osorgin: Khudozhnik i zhurnalist* [Mikhail Osorgin: Artist and Journalist]. Perm, Publishing house "Mobile". (In Russ.)
- Agenosov Vladimir. 1998. *Literatura russkogo zarubezh'ya* [Literature of the Russian Abroad]. Moscow, Terra. (In Russ.)
- Bäcker Roman, Karpus Zbigniew. 2002. *Wstęp*. In: *Emigracja rosyjska. Losy i idee*. Eds Bäcker R., Karpus Z. Łódź, p. 6. (In Polish)
- Belyayev Sergey Alekseyevich. 2002. *K.K. Parchevskiy i yego kniga "Po russkim uglam"* [K.K. Parchevsky and his book "On Russian Corners"]. In: Konstantin Parchevskiy. *Po russkim uglam* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS, p. 5. (In Russ.)
- Bunin Ivan Alekseyevich. 1996. *Gospodin iz San-Frantsisko* [Gentleman from San Francisco]. In: Ivan Alekseyevich Bunin. *Izbrannoye v dvukh tomakh*. Vol. 1: *Rasskazy. Predisloviye – stat'ya K. Parchevskogo "Ivan Bunin"* [Favorites in two volumes. Vol. 1: Stories. Preface – article by K. Parchevsky "Ivan Bunin"]. Moscow, Surf, pp. 344–368. (In Russ.)
- Emigratsiya i repatriatsiya v Rossii* [Emigration and repatriation in Russia]. 2001. Comp. Iontsev V.A., Lebedeva N.M., Nazarov M.V., Okorokov A.V.]. Moscow, Guardianship of the needs of Russian repatriates. (In Russ.)
- Korablev Aleksandr Aleksandrovich. 2015. *K voprosu o dvizhenii i prodvizhenii ponyatiya "geopoetika"* [To the issue of movement and promotion of the concept of "geopoetics"]. "Filologicheskkiye issledovaniya" [Philological Studies]. Vol. 14. Donetsk, DonNU, pp. 297–304. (In Russ.)
- Kuptsova Irina. 1999. *Khudozhestvennaya zhizn' "russkogo Parizha" na stranitsakh gazety "Posledniye novosti" (1920–1922 gg.)* [The artistic life of "Russian Paris" on the pages of the newspaper "Latest News" (1920–1922)]. In: *Kul'turnaya missiya rossiyskogo zarubezh'ya. Istoriya i sovremennost'* [Cultural Mission of Russian Abroad. History and modernity]. Repl. ed. Shulepova E.A.]. Moscow, Ros. Institute of Cultural Studies, pp. 170–176. (In Russ.)
- Literaturnaya entsiklopediya russkogo zarubezh'ya (1918–1940)* [Literary Encyclopedia of Russian Abroad (1918–1940)]. 2000. Vol. 2: *Periodika i literaturnyye tsentry* [Periodicals and literary centers]. Ed. and comp. Nikol'yukin A. Moscow, ROSSPEN. (In Russ.)
- Literaturnaya entsiklopediya russkogo zarubezh'ya (1918–1940)* [Literary Encyclopedia of Russian Abroad (1918–1940)]. 2000. Vol. 3: *Knigi* [Books]. Ed. and comp. Nikol'yukin A. Moscow, ROSSPEN. (In Russ.)
- Orekhova Tatiana. 1998. *Ocherki K.K. Parchevskogo o russkoy diaspore vo Frantsii v period mezhdu pervoy i vtoroy mirovymi voynami* [Essays by K.K. Parchevsky on the Russian diaspora in France between the first and second world wars]. In: *I.S. Shmelev i literaturnyy protsess nakunne XXI veka. 125 let so dnya rozhdeniya I.S. Shmeleva* [I.S. Shmelev and the literary process on the eve of the XXI century. 125 years since the birth of I.S. Shmeleva]. Ed. Tsygannik V.P. Simferopol–Alushta, p. 145. (In Russ.)
- Parchevskiy Konstantin. 2002. *Po russkim uglam* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS. (In Russ.)
- Parchevskiy Konstantin. 2002a. *Marsel'* [Marseilles]. In: Konstantin Parchevskiy. *Po russkim uglam* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS, p. 138. (In Russ.)
- Parchevskiy Konstantin. 2002b. *Lion* [Lyon]. In: Konstantin Parchevskiy. *Po russkim uglam* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS, p. 128. (In Russ.)
- Parchevskiy Konstantin. 2002v. *Lionsy* [Lionsy]. In: Konstantin Parchevskiy. *Po russkim uglam* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS, pp. 132–133. (In Russ.)

- Parchevskiy Konstantin. 2002g. *Lazurnyy bereg* [Cote d'azur]. In: Konstantin Parchevskiy. *Po russkim uglom* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS, p. 143. (In Russ.)
- Parchevskiy Konstantin. 2002d. *Kann-la-Bokka* [Cannes La Bocca]. In: Konstantin Parchevskiy. *Po russkim uglom* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS: 156. (In Russ.)
- Parchevskiy Konstantin. 2002ye. *Nitsa* [Nice]. In: Konstantin Parchevskiy. *Po russkim uglom* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS, pp. 171–176. (In Russ.)
- Parchevskiy Konstantin. 2002zh. *Promyshlennost' i trgovlya* [Industry and trade]. In: Konstantin Parchevskiy. *Po russkim uglom* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS, p. 176. (In Russ.)
- Parchevskiy Konstantin. 2002z. *Zhivyye i mertvyye* [The quick and the dead]. In: Konstantin Parchevskiy. *Po russkim uglom* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS, p. 207. (In Russ.)
- Parchevskiy Konstantin. 2002i. *Normandiya* [Normandy]. In: Konstantin Parchevskiy. *Po russkim uglom* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS, p. 57. (In Russ.)
- Parchevskiy Konstantin. 2002k. *Provintsial'nyye besedy* [Provincial Conversations]. In: Konstantin Parchevskiy. *Po russkim uglom* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS, p. 67. (In Russ.)
- Parchevskiy Konstantin. 2002l. *Vokrug Parizha* [Around Paris]. In: Konstantin Parchevskiy. *Po russkim uglom* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS, pp. 216–217. (In Russ.)
- Petrova Tat'yana. 2000. "Posledniye Novosti" [Last news]. In: *Literaturnaya entsiklopediya russkogo zarubezh'ya (1918–1940)* [Literary Encyclopedia of Russian Abroad (1918–1940)]. Vol. 2. Moscow, ROSSPEN, pp. 319–329. (In Russ.)
- Publitsistika russkogo zarubezh'ya (1920–1945)* [Publicism of the Russian Abroad (1920–1945)]. 1999. *Sbornik statey* [Digest of articles]. Comp. Kuznetsov I.V., Zelenina E.V. Moscow, Soyuzpolygraphprom. (In Russ.)
- Rossiyskoye zarubezh'ye vo Frantsii 1919–2000* [Russian abroad in France 1919–2000]. 2010. *Biograficheskiy slovar' v trekh tomach* [Biographical Dictionary in three volumes]. Vol. 2. Eds Mnukhina L., Avril M., Lossky V. Moscow, Science; House-Museum of Marina Tsvetaeva. (In Russ.)
- Sid Igor'. 1996. *Osnovnoy vopros geopoetiki* [The main issue of geopoethics]. Doklad na pervoy mezhdunarodnoy konferentsii po geopoetike [Report at the first international conference on geopoethics]. Moscow, Crimean club. Available at: <http://liter-net.lgb.ru/geopoethics/index.html> (Accessed 12 December 2019). (In Russ.)
- Struve Gleb. 1996. *Russkaya literatura v izgnanii* [Russian literature in exile]. Paris–Moscow, YMSA-Press; Russian way. (In Russ.)
- Vvedeniye v geopoetiku: odinochnyye ekspeditsii v okeane smyslov: Antologiya* [Introduction to geopoethics: single expedition in the ocean of meaning: An Anthology]. 2013. Comp. Sid I., Dyce C.J. Moscow, Art House Media, Crimean Club. (In Russ.)